

АГО КЮННАП (Тарту)

САМОДИЙСКИЕ ПОСЛЕЛОГИ *jVt(V) И *jV

Т. Микола детально описывает ненецкий послелог лат. *jēd*(') : лок. *jē'ne* : проз. *je'emne*, лесной диал. (Л) лат. *jēt* : лок. *jē'nā* : (В) проз. *je'emna*. Значения лативных форм этого послелoga: 'in Richtung ... nach, zu, entgegen; auf, an; hinter; in Richtung zu, gegen, nach ... hin (im übertragenen Sinn); über (im übertragenen Sinn); zu, gegen (zeitlich); Postposition zum Ausdruck des Dativs, für; wegen; für, gegen (im Austausch)', напр., (Л) *amkē jānda jēd_ñāewtō* 'in welches Land er gefahren ist' (Mikola 1974 : 101—106). Далее он указывает, что в одном случае гласный элемент послелoga выступает в форме *ā*: (Л) *O tunt jāi* 'vor dem Feuer'. Т. Микола находит этимологические соответствия ненецкого послелoga *jēd*' и т. д. во всех самодийских языках, кроме камасинского: послелogi эн. (К) *je'one* 'für, wegen'; нган. *jadikuŋ* 'entgegen, anstatt'; сельк. *tāt, tād, čād* 'wegen, für, anstatt', *čādagan* 'gegen'. Гласный элемент он здесь реконструирует следующим образом: нен. (*jāt*'), нган., сельк. *ä и нен., эн. *e; согласный элемент *d* и т. д. он возводит к исходной форме *t (> гортанный смычный '-' в ненецких формах *jē'ne* и т. д.).

Кроме указанных Т. Микола, приведем из самодийского материала еще послелogi, которые тоже могут относиться к данной совокупности: нен. лесной диал. (В) *jēxt* 'прямо, прямо вперед перед собой': *χaemlit' jēxt šita arəjja'aj taja jātŋa* 'куда глаза глядят два медведища вот идут' (Вербов 1973 : 170, 172);

эн. (А) *dēd* 'к' (других падежных форм нет), напр., дв. ч. лат. *lāttaχi' dēd* (*lātta* 'доска') (см. и Кюннап 1973 : 215); (Сорокина) *dēd* 'к чему-либо' (других падежных форм нет) : *mēd' dēd dādaō* 'к чуму я иду', *mođ čede te' dēd b'au* 'я бросил маут на оленя', *mođ ŋa' dēd seŋarij* 'я в небо посмотрел', *biđ dēd seŋa* 'на воду смотрит' (Сорокина 1974 : 177);

нган. (М) *dādətu* 'неки' (Mikola 1970 : 73); (Дульзон) *dātana tu* 'ко мне приди' (Дульзон 1974 : 152); (Т) *dātə-, dādə-* 'к, для' : *ŋentu dātənə ŋinti səŋürə* 'юноша на меня не смотрит', *dādətu kola'ku tu'o* 'подплыла к нему рыбка', *dadi'kü* 'для', напр., *ŋiniŋə dadi'kü desimə kəndə mīə* 'для моего старшего брата отец нарту сделал' (Терещенко 1973а : 431—432);

сельк. (К) *tādä* 'про, вместо, против', *čad* 'против', *fādä* 'вместо, для, про, против' (Castrén, Lehtisalo 1960 : 94), нарымский диал. *čad* : *to čad, na čad* 'dorthin, туда' (187); (П, П-а) *cāti, čāti, čoti* '[postpos] для; против; вместо, на месте; за, о, ради; из-за, к, на, над, про, по',

напр., *tē čāti solalap mēlāk* 'für euch werde ich Löffelchen machen' (Erdélyi 1970 : 231—232).

Несомненно относятся сюда же еще сельк. тазовский «послелог» *-čōti* («значительный» падеж) (Кузьмина 1969 : 76, ср. и 74) и суффикс «значительного падежа» *-fat, -fit, -dat, -dit*, который присоединяется к форме генитива: *man tamde oneŋ neŋaniŋfat lakkazaŋ* 'я сегодня за свою сестру работала', *man okane terbikusaŋ sō tebekuwandat* 'я всегда думаю о хорошем муже', *koijanfit ut kamžanda* 'из-за сестры воду пролила' (Беккер 1972).

Не совсем ясно, относятся ли к данной совокупности и ненецкие послелого (К) *jie', jiei'* 'um, wegen' statt', возможным исходом которых М. А. Кастрен считал слово (К) *jiei, jei* 'Teil' (Castrén 1854 : 582), ср. и (К) *jei, jei* 'Teil, Eigentum' (Castrén 1855 : 126, 2896). Возможность происхождения ненецкого послелого *jēd'* и т. д. от слова *je'ej* 'Anteil' взвешивает и Т. Микола, но он отклоняет такую возможность. Он предполагает, что в обоих случаях мы имеем дело, действительно, с одной и той же основой, но считает, что суффикс прилагательных *-j* в *je'ej* происходит от суффикса латива **i*. По его мнению, мы имеем здесь дело с двумя формами латива, из которых более древней является *jēd'* с суффиксом латива **n*. В предполагаемой форме латива *je'ej* на **i* до присоединения к ней суффикса **i* произошел переход *jēd > je'* (Mikola 1974 : 178).

Какими бы не были отношения между послелогом *jēd'* и т. д. и словом *je'ej*, ясно одно: самодийские языки знали послеложную основу **jVt(V)*. Причем следует иметь в виду, что следом согласного **-t(-)* в форме (В) *jēxt* лесного диалекта ненецкого языка является не *-t*, а *-x-*, так как исследования П. Саммаллахти в области исторической фонетики этого диалекта убеждают нас в том, что преаспирация *t (xt)* является следом *t* или *s* (Sammallahti 1974 : 24 и пр.): *jēxt < *jēt + -t*. Укажем также, что ненецкая форма (К) *jie'* станет достовернее и понятнее, если мы будем иметь в виду, что Н. М. Терещенко приводит наряду с *jed'* и *je'*, хотя и во всех примерах на употребление последней формы к ней присоединены посессивные суффиксы, напр., (Т) *je'ni* 'ко мне' (Терещенко 1965 : 1136—114а). Конечно, следует считаться также с возможностью, что как (К) *jie'*, так и (Т) *je'* — всего лишь абстракции.

Не обязательно предполагать первоначальное употребление на конце самодийского послелого **jVt(V)* суффикса латива: элементы, которые можно толковать как следы падежных суффиксов латива, выступают лишь в ненецких формах этого послелого *jēd', jāt'* (*-' < ?-ŋ*), лесной диал. *jēxt* (*-t < ?*-tV < ?*-ntV*) (в отношении реконструированных суффиксов латива см. прежде всего N.-Sebestyén 1957—1958 : 308—311; Joki 1971 : 14—15; Künnap 1971 : 110—117, 125; Mikola 1974 : 201—203). Но и в ненецком языке могут эти элементы часто отсутствовать, напр., (Л) *pāewdana jāj_jēd sirtetim* 'im Dunkeln blicke ich zu Boden', лесной диал. *ŋarka māt jēt tēt ratšēr mansxaraŋām* 'auf das grosse Zelt zu die vier Weissbrüstigen trieb ich in Bewegung' (см. Mikola 1974 : 202). Отсутствие в наречиях и послелогох суффикса латива — довольно распространенное в самодийских языках явление (см. и Künnap 1971 : 114). Укажем, что предполагаемые следы суффиксов латива в ненецких формах послелого **jVt(V)* могут также иметь совсем иное, аналогичное происхождение: гортанный смычный мог присоединиться в *jēd', jāt'* по примеру падежного окончания латива имен *-n(')*, *-d(')*, *-t(')*, а *-t* в

jēʔt — по примеру таких форм латива, как (Саммаллахти) *māʔt* (*māʔ* 'tent'), *wiʔt* (*wiʔ* 'water') (Sammallahti 1974: 44—45). С возможностью таких аналогий следует считаться потому, что, кроме частого отсутствия предполагаемых следов суффиксов латива в формах послелога *jVt(V) в самом ненецком языке, такие следы вообще отсутствуют в формах этого послелога в других самодийских языках.

В материалах М. А. Кастрена по нарымскому диалекту селькупского языка мы находим рядом с лативной послеложной формой *čad: to čad, na čad* 'dorthin, туда' и локативную и/или аблативную форму *čagan: čagan, na čagan* 'dort, dorther, там, оттуда', *to čagan* 'dorther, оттуда', *na čagan* 'тут' (Castrén, Lehtisalo 1960: 187). По всей вероятности, *čagan* не является падежной формой послелога *jVt(V): ведь в такой форме ожидалось бы наличие следов согласного *t, как, напр., в форме (К) *čadagan* 'gegen', ср. и нарымские формы локатива-аблатива (К) *matkan* (*mat* 'Haus'), *uto-gan* (*ut* 'Hand') (121, 123). (В таких ненецких формах, как, напр., (Л) *jēnet* 'uns gegenüber' — см. Mikola 1974: 102 — можно предположить отпадение гортанного смычного). Все приведенные нарымские формы имеют совсем другое значение, чем общеселькупский послелог *tāt* и т. д. Поэтому мы считаем возможным высказать некоторое сомнение в отношении необходимости возведения и нарымского *čad* к исходной форме *jVt(V), особенно, если иметь в виду, что не исключена теоретическая возможность наличия в *čad* (аналогичного по происхождению?) суффикса латива *-d* (см. и Künnap 1971: 86, 95—96).

Следовательно, мы можем отнести нарымскую форму (К) *čagan*, а, возможно, и нарымскую форму (К) *čad* к самодийскому послелогу *jV. Этот послелог ясно фиксируется в нганасанском материале М. А. Кастрена: послелог *jāη* 'für, wegen', о котором М. А. Кастрен пишет, что он употребляется в качестве синонима послелога *nāη* 'zu, gegen' (Castrén 1854: 582). В том же материале прослеживается употребление послелога *jāη* как лативного суффикса наречий и послелогов: *-jāη, -āη, (?) -daη*, напр., *mada-jāη, madu-jāη* '(Dativ) nach Hause, heim', *kai-jāη* 'seitwärts, nahe', *kundi-āη* 'längs, in die Länge' («statt *kundi-jāη* ... von *kunta* 'lang' und *jāη*»), *kuni-āη* '(Dat.) wohin' («Durch Zusammensetzung des nun nicht gebräuchlichen Interrogativpronomens *ku* statt *kua* ... und der Postposition *nijaη*: ... eig. *kunijāη*»), *jale-jāη* 'bei Tage', (?) *findāη* 'nachts' (588—589, 594, 599).

Со временем послелог *jāη* в нганасанском языке стал общеупотребляемым суффиксом латива имен: (П, А) *-jā*, (Т, М) *-da*, (Дульзон) *-da, -dā*. Н. М. Терещенко и А. П. Дульзон указывают на тенденцию употреблять этот суффикс преимущественно для выражения аллатива (Терещенко 1973а: 429—430; Терещенко 1973б: 253; Дульзон 1974: 152). Напр., (П) *turku-jā* *konnentandem* 'к озеру пойду', *jala-jāη* 'днем', (?) *findāη* 'ночью' (Прокофьев 1937: 62, 70); (Т) *ti-mi-na nemina-da koni-si-dam* 'сейчас пойду к моей матери', *bi-dada saηüll'i-ə* 'он посмотрел на воду', *dalida* 'днем', (?) *χinda* 'ночью' (Терещенко 1966: 433; Терещенко 1973а); (М) лат. ед. ч. *tāda* (*tā* 'rénszarvas') (Mikola 1970: 61); *koni-gumi turkudā* 'пойдем вдвоем на озеро' (Дульзон 1974: 152); (А) лат. ед. ч. *kinttadu-jā* (ошибочно вместо *kinttajā?*): дв. ч. *kinttagi-jā*: мн. ч. *kindü-jā*: (с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч.) ед. ч. *kindettu-jā*: дв. ч. *kinttagajtti-jā*: мн. ч. *kindüftü-jā*. (*kintta* 'дым') (см. и Кюннап 1973: 215). Способ присоединения этого суффикса латива (аллатива) — он при-

соединяется в абсолютном склонении к генитивной форме слова, а в посессивном стоит за посессивными суффиксами — подтверждает его послеложное происхождение. На такой способ присоединения этого суффикса указывает и Н. М. Терещенко, сопоставляя с ним нганасанские послелоги (Т) *datā-*, *dadā-* 'к, для' и *dadī'kü* 'для' (Терещенко 1973а : 431—432).

Можно, следовательно, предполагать наличие следов послелога *jV в нганасанском и селькупском языках. В нганасанском к нему присоединился суффикс латива (*)-η; послелог стал употребляться и как суффикс латива (аллатива): *-jā* и т. д. (-η был со временем утрачен, ср. Терещенко 1973б : 214). Укажем, что и послелог *jVt(V) проявляет в селькупском языке тенденцию к более тесному примыканию к именам и к переходу в падежный суффикс (см. данные А. И. Кузьминой и Э. Г. Беккер, приведенные выше). На конце сельк. *čagan* выступает самодийский суффикс локатива *-kVnV (см. Кюннар 1971 : 125).

В свете приведенных обстоятельств никак нельзя согласиться с предположением И. Н.-Шебештьен, что, напр., нганасанская форма *jalejāη* 'bei Tage' образована при помощи двух первичных суффиксов латива *i + *η или *n, а также с некоторыми выводами, вытекающими из этого предположения (см. N.-Sebestyén 1957—1958 : 307—308).

Мы приходим к выводу, что в самодийских языках имеются послелоги *jV и *jVt(V), значения которых иногда близки друг другу или даже идентичны. Не исключена возможность, что в их основе лежит один и тот же элемент *jV. Как мы видели, можно предполагать, что в нарымском диалекте селькупского языка эти послелоги выступают даже в составе «парадигмы» одного и того же послелога: в лативной функции — *jVt(V), а в локативной и/или аблативной функции — *jV. Оба послелога проявляют тенденцию к переходу в падежные суффиксы: в нганасанском — *jV, в селькупском — *jVt(V). Их сложная семантика и первоначальное происхождение, а также этимологическая связь с ненецким послелогом *iir'* и т. д., предполагаемая Т. Микола (Mikola 1974 : 179—180, см. и 112—114), нуждаются в дополнительных исследованиях.

Сокращения

А — записи автора статьи; В — записи Г. Д. Вербова; К — записи М. А. Кастрена; Л — записи Т. Лехтисало; М — записи Т. Микола; П — записи Г. Н. Прокофьева; П-а — записи Е. Д. Прокофьевой; Т — записи Н. М. Терещенко.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1972, К употреблению назначительно-превратительного и назначительно-падежей в селькупском языке. — Вопросы советского финно-угроведения, Саранск, 57—58.
- Вербов Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник. Сборник научных трудов, Новосибирск, 3—190.
- Дульзон А. П. 1974, Падежная система нганасанского языка. — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 147—157.
- Кузьмина А. И. 1969, К вопросу о склонении в селькупском языке. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 74—76.
- Кюннар А. 1973, Показатели числа имен существительных в северносамодийских языках. — СФУ IX 1973, 207—216.
- Прокофьев Г. Н. 1937, Нганасанский (тавгийский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 53—74.
- Сорокина И. П. 1974, Функции послеложных конструкций в выражении пространственных отношений. (На материале энецкого языка). — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 174—178.
- Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1966, Нганасанский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 416—437.

- 1973a, Некоторые особенности падежной системы нганасанского языка. — JSFOu 72, 427—433.
- 1973b, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Ленинград.
- Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- Castrén, M. A., T. Lehtisalo 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu 122).
- Erdélyi, I. 1970, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest.
- Joki, A. J. 1971, Über das Element *n* in der samojedischen Deklination. — FUF XXXII, 1—17.
- Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- Mikola, T. 1970, Adalékok a nganaszan nyelv ismeretéhez. — NyK LXXII, 59—93.
- 1974, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen), Budapest.
- N. Sebestyén, I. 1957—1958, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs. — ALHng. VII, 41—71, 273—340.
- Sammallahti, P. 1974, Material from Forest Nenets, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 2).

AGO KUNNAP (Tartu)

SAMOJEDISCHE POSTPOSITIONEN *jVt(V) und *jV

Der Verfasser weist darauf hin, daß im Samojedischen die Postpositionen *jVt(V) und *jV vorkommen, die zum Teil semantisch sehr nah oder sogar identisch sind. Es ist nicht ausgeschlossen, daß sie beide auf ein und dasselbe Element *jV zurückgehen können. Im Narym-Dialekt des Selkupischen können sie sogar im «Paradigma» derselben Postposition auftreten: in der Funktion des Lativs *jVt(V) und in der Funktion des Lokativs und/bzw. des Ablativs *jV. Bei beiden Postpositionen kann man die Tendenz verfolgen, daß sie sich zu Kasusendungen entwickeln: im Nganasanischen *jV und im Selkupischen *jVt(V). Ihre komplizierte Semantik und ihre ursprüngliche Herkunft sowie die von T. Mikola angenommene Beziehung der Postposition *jVt(V) zu der nenzischen Postposition *jir'* usw. bedürfen noch einer weiteren Untersuchung.

Во введении к этой книге автор указывает, какую территорию занимают язык и диалекты: «Пермяк и пермяк, или язык пермяков Сам-Камского и Пермского, которые с языком Удмуртским, Сам-Вятским и Вятским в одну группу не считались. Далее он пишет: «Самое из удмуртских и вятских диалектов, а сам в бытность у них находил для пермяков язык из Сибири». Из Сибири Г. Ф. Мидлер возвращался по железной дороге из Иркутска, что в академик И. И. Дельский в 1971 г. в издании «Самодийские языки» (первая книга пермякского диалекта при И. И. Дельском) — посёлок Искра — завод ЗИ верст — Кайгородок (на западной Каме) — Кренинский завод — с. Восточный — с. Сурьяново — с. Слободской. Дельский по этому пути, но вперёд не только до пермякской территории (от с. Селища до восточной территории вятских (на восточной Каме), диалект которых является промежуточное явление между пермякским и удмуртским, но и восточной области от Коммунар, пролегающей в северной части бассейна рек Лестя и Кобря».

В отношении пермякского пермякского языка первая книга содержит следующие примеры: «Самое из удмуртских и вятских диалектов, а сам в бытность у них находил для пермяков язык из Сибири».

В данной статье анализируются материалы по пермякскому языку в основном из «Sammlung Finnischer Geschichte». Запись этого языка в этой работе сделана латинскими буквами. Единица анализа в обозначении звуков языка не приводится, однако автор старается использовать следующие шрифты в зависимости от того, какой звук имеет язык в (русском среднем ряду среднего ряда).

¹ В. И. Гиткин, Древнепермякский язык, Москва 1952, стр. 31.